

Д.м. Франк

ВОСПРИЯТИЕ РЕБЕНКОМ ОСОБЫ ЦАРЯ

Счастлив, кто спит, кто про долю свободную
В тесной тюрьме видит сны...

А какие же это сны? Это наше прошлое, далекое и милое...

Господь в своей неизмеримой благости дал человеку один дивный дар — способность удержать в памяти всё хорошее, светлое, радостное, что было в жизни, и способность забывать тяжелое и мрачное, что давило душу и грудь или, по крайней мере, если не забыть совершенно, то смягчить всю горечь этих воспоминаний.

А вот хорошее, ласково-радостное вспоминается со всей яркостью красок. И не только ярко это само хорошее, но ярка и его рамка — видны и краски дня и сверкание солнца и блеск луны и даже слышны все шепоты.

1896 год... Темный безлунный, почти летний вечер... Улицы Москвы залиты морем огня — площадки, фонарики со свечами, газовые и электрические транспаранты с инициалами Государя и Государыни. Всё это сверкает и переливается разноцветными огнями и светло на Тверской улице, на которой перед коронацией впервые появились высокие электрические фонари с круглыми большими молочными шарами.

Я с мамой и ее сестрой уже давно стоим на вокзальчике конки против Страстного монастыря. Куда ни повернешь голову — непроглядная темная масса народу. Вдоль всей Тверской улицы стоят шпалерами войска гренадерского корпуса. Сегодня, после коронационных торжеств, Государь уезжает из Москвы... Я маленький — мне всего лишь 8 лет, и из-за спины впереди стоящих мне ничего не видно. Но тут же в павильоне моя первая детская слабость — юнкера Александровского военного училища, и они

выручают меня и сажают к себе на плечи, и теперь я сам вижу всю большую площадь, ровную линию круглых черных барашковых шапок гренадер, выстроившихся по обеим сторонам улицы. Напротив вокзальчика на фоне темного неба вырисовывается розоватая ажурная колокольня Страстного монастыря, а направо и назад памятник Пушкину, облепленный народом.

И я все время спрашиваю: а где будет Государь? А когда он поедет? И ожидание кажется нескончаемым. Но вот издалека, от Охотного Ряда, доносится гул, быстро растет и приближается, переходя в ликующее непрерывное «ура!». Меня поднимают выше, и мне всё видно. Государь проедет мимо меня в 20—30 шагах... Экипажи один, другой, третий, в них какие-то офицеры в серых барашковых шапках.

— Вот Государь! — кричит мне юнкер. — У-р-р-а-а!

— Где, где?

Да вот прямо перед нами! У-р-р-а!

Боже мой, да ведь это же обычный офицер... А где же золото, алмазы, сияние вокруг головы?! Разве Государь такой же человек, как и мы? И мне это больно... Почему Он не сверкает? Ведь Он же Царь! А в душу помимо этого разочарования льется что-то великое, горячее, захватывает всего, и я кричу тоже — у-р-р-а-а! Но перехватывает голос и слезы радости, что я вижу Царя, капают на мою белую матроску. И никто меня дома не готовил к этому чувству восприятия Государя — оно сошло само из воздуха, от этой массы народа, от той простой офицерской шинели, в которой был сам ЦАРЬ...

*Алексей Ростов,
Ген. Секретарь РНМД*

СВЕТОЙ ПАМЯТИ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА И ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ

С лета 1918 г. во многих церквах Поволжья, где я тогда проживал, на общих панихидах, после литургии верующие подавали записки о поминовении «за упокой новопреставленных убиенных Николая, Александры, отрока Алексея, Ольги, Татианы, Марии, Анастасии». Иногда, быстро прочитывая подаваемые ему записки, пастырь три или четыре раза прочитывал это сочетание имен, которое и без всякого титулования было понятно и ему, и оставшимся после обедни для подачи записок для поминания на общей панихиде. Иногда в записках отсутствовало слово «отрок», но последовательность имен оставалась неизменно та же.

В 1930 г. в камере № 21 третьего корпуса Ленинградского Дома Предварительного Заключение мне, находившемуся под следствием по делу академика С.Ф. Платонова, по обвинению в организации монархического заговора, довелось встретить на прогулке трех общих камер на тюремном дворе одного однодельца, который мне поведал, что арестованный по делу оппозиционного в отношении митрополита Сергия, после его декларации 1927 г., епископа Дмитрия (Любимова), простой слесарь с Путиловского завода громко говорит в камере, что почитает Государя и убиенных с ним Членов Его Семьи за новомучеников. Мой друг просил меня передать гулявшему с нами по двору старшему из арестованных по этому делу священников, протоиерею Иоанну Никитину, чтоб он просил слесаря, гуляющего с нами в толпе выведенных совместно на прогулку сотни заключенных, воздержаться от подобных разговоров, о которых донесут следователям, что ухудшит приговор.

От. Никитин так и поступил и благодарил меня и моего однодельца за наш совет.

От. Никитин и слесарь получили оба по 10 лет концлагеря, что тогда было максимальной мерой заключения. В последующие годы в Карельских концлагерях, а затем в ссылке в Зап. Сибири мне не раз в интимных с глазу на глаз беседах с другими заключенными и ссыльными пришлось убедиться, что Царская Семья не забыта в простом народе, что память о них сохраняется, что за Них молятся.

В разное время, в разных условиях, мне довелось слышать от беспартийных интеллигентов, какое негодование вызывает в них подлое злодеяние в Екатеринбурге. Научные работники отмечали, что и во Франции и в Великобритании все же был организован кровавый процесс суда над Людовиком XVI и над Карлом I. Другие вспоминали, что ни тут, ни там не погибли с королями их неповинные дети и преданные слуги, сами вышедшие из престонородья. Помню, как один видный юрист, известный своими научными трудами еще до революции, беседуя со мной в лесу около концлагеря на Май-Губе, заметил, что особенно возмущает расстрел в подвале Ипатьевского особняка молодых Великих Княжон, которые по закону о Престолонаследии не имели прав на Престол при наличии живых и находящихся вне пределов досягаемости для коммунистических палачей мужских членов Династии. Я смог напомнить собеседнику, что Ленин и Троцкий, оба юристы по образованию, сдавали в свое время государственное право в университете и не могли не знать, что после гибели Государя, Наследника Цесаревича и Великого Князя Михаила Александровича Право на Престол переходит к Великому Князю Кириллу Владимировичу, а потому ни Государыня, тяжело больная, ни юные Великие Княжны не могут возглавить страшившую советских палачей монархическую реставрацию.

За четверть века пребывания в свободном мире я ежегодно поминал то в домашней молитве, то с верными монархии единомышленниками Государя в день Его рождения, теперь совместно со всеми народными монархистами, входящими в основанное Ив. Л. Солоневичем и возглавлявшееся потом Вс. К. Дубровским Русское Народно-Монархическое Движение, возносим молитвы о Царе-Мученике, о Августейшей Семье и погибших с ними верных слугах и благодарим редакцию настоящего Сборника, пригласившую меня участвовать хотя бы этими краткими строками в настоящем Сборнике.